

НАЧАЛО

Писать я начал ещё в школе, где-то с седьмого класса. Заметки и коротенькие рассказы регулярно появлялись в стенгазете Жуковской средней школы (Брянская область), хотя были далеки от совершенства и не претендовали на серьёзное воспроизведение. Один из рассказов я даже послал на конкурс в журнал «Техника – молодёжи» в 1962 году, но не получил ответа. Рассказ был написан от руки и нигуда не попал.

Следующий этап творчества начался уже в 1967 году в Рязани, где я учился на факультете конструирования радиоаппаратуры Рязанского радиотехнического института. Сначала рассказы печатались в студенческой многотиражке, потом в газетах Рязани, а первый рассказ, ставший началом повести «Непредвиденные встречи» (и цикла «Хроники Реликта»), был напечатан аж в московской газете «Студенческий меридиан» в 1969 году под названием «Великан на косогоре».

Рассказ «Марсианский корабль» написан в Днепрпетровске в далёком 1978 году, отправлен в киевский журнал «Наука і суспільство» и пропал. Был найден аж через 30 лет! Я его слегка подкорректировал. Остальные рассказы – попытка найти свою тему и зачастую представляют собой литературную шутку.

– Василий Головачёв

МАРСИАНСКИЙ КОРАБЛЬ

Этот рассказ написан ровно 30 лет назад. Он был послан в киевский журнал «Наука і суспільство», однако не опубликован. Спустя два месяца мне прислали какой-то выпуск журнала, и я попросту его не раскрывал, прочитав письмо с вежливым отказом. А так как рассказ я посылал написанным от руки (!), то посчитал, что он утерян. Каково же было моё изумление, когда я, расчищая книжные и журнальные завалы дома, раскрыл этот журнал и увидел свой рассказ! Вот так он и дошёл до сегодняшнего читателя. Не судите его строго, это один из первых моих опусов. Я его практически не правил, только заменил кое-какие названия на более современные (к примеру, марсоходы тогда назывались ПрОПоМаМи – Приборами оценки поверхности Марса). Приятной новостью оказалось то, что мне удалось предугадать открытие на Марсе уцелевших озёр. Замёрзших, разумеется.

– Василий Головачёв

Место для посадки выбрали с таким расчётом, чтобы автоматический марсианский вездеход «Спиди» подошёл сначала к небольшому кратеру Глаз Красавицы, на дне которого зонд обнаружил уцелевшее озеро, точнее, ледяной щит, а затем приблизился к расселине Гильотина, пересекающей плато Красных Дюна надвое.

21 июня 21-я экспедиция на Марс, в разработке которой участвовала 21 страна (такое совпадение посчитали мистическим и счастливым), в том числе и Россия, успешно завершилась посадкой модуля в расчётном районе плоскогорья Красных Дюна и активацией марсохода «Спиди».

Имя марсоход получил по буквам аббревиатуры английских слов, складывающихся в слово SPIDI, однако оно соответствовало и получившемуся понятию «быстрый». В принципе он и в самом деле мог двигаться гораздо быстрее прежних автоматических станций, достигая скорости в 20 километров в час.

Первые панорамы Марса в месте высадки «Спиди» передал уже спустя полчаса после высадки с платформы посадочного модуля, которая должна была навсегда остаться на планете. Затем, после тестирования всех систем, он начал плановый обзор местности, сориентировался и покатился к кратеру Глаз Красавицы.

Сенсаций от него не ждали. Вернее, не ждали каких-то сногшибательных открытий, способных поразить учёных. Уже были найдены и изучены ледяные озёра на северном полюсе Марса, определён состав

льда, в котором не оказалось живых микроорганизмов вопреки ожиданиям, хотя следы органических веществ были. Однако вопрос, была ли жизнь на Красной планете в прошлом (в настоящем Марс явно был лишён жизни), оставался открытым. Учёным очень хотелось дознаться, так ли это, был ли Марс заселён и почему жизнь в таком случае погибла. Поэтому каждый из тех, кто наблюдал за путешествием «Спиди», мечтал первым увидеть... ну, всё равно что: окаменевшего марсианского мамонта, воробья, гусеницу, бактерию в конце концов, не говоря уже о следах иного плана — разумной деятельности, под которыми подразумевались уцелевшие болты и гайки либо пирамиды, скульптуры, аэродромы и тому подобные сооружения.

В Центре управления полётами НАСА, контролирующем марсианские корабли, заступила на дежурство смена Родерика Фоссомы, который принимал активное участие в создании «Спиди».

В российском ЦУПе в тот же момент заступила на дежурство смена Константина Вагина, который разрабатывал для «Спиди» систему реагирования на опасность при отсутствии сигнала с Земли: система, получившая простое название «Ёж», должна была «свернуть» марсоход при наличии угрозы, защитить его специальными экранами, так как люди на Земле могли не успеть¹ сами послать команду «свернуться».

Конечно, российские специалисты не могли вмешаться в управление марсоходом, осуществляемое из ЦУПа НАСА, но имели возможность наблюдать за его перемещением и при необходимости консультировать американцев.

Первые 20 метров «Спиди» прополз за полчаса, непрерывно оглядываясь, останавливаясь и шевеля всеми «конечностями» для разминки. Затем сделал марш-бросок вверх по склону вала, окружавшего кратер Глаз Красавицы. Остановился на гребне, направил телекамеры вниз.

Наблюдатели — к этому моменту их набралось в обоих ЦУПах около сотни — затаили дыхание.

Они увидели неглубокую, всего в три сотни метров глубиной, воронку, в центре которой действительно располагалось удивительно круглое зеленоватое озерцо диаметром около километра. Разумеется, изображение, передаваемое телекамерами марсохода на Землю, корректировалось по цветности и контрасту, однако, по уверениям специалистов-оптиков, цвет телевизионной картинке вполне соответствовал природному. Именно таким увидел бы астронавт пейзаж Марса.

Цвет стен кратера был оранжевым, вкрапления крупных и мелких камней казались коричневыми оспинами, а лёд на дне кратера отражал летнее небо Марса, зеленовато-лиловое, с полосами жемчужных облаков, редко встречающихся над другими районами планеты.

¹ Расстояние между Марсом и Землёй колеблется от 56 миллионов километров (в моменты наибольшего сближения) до 360 миллионов километров.

В американском ЦУПе раздались аплодисменты.

Российский ЦУП особой радости от показанного ландшафта не испытал. Зато именно его наблюдатели первыми заметили странную деталь на ледяном «глазу» кратера.

— Смотрите, чуть левее, ближе к берегу! — заговорил помощник Вагина. — Какая интересная штуковина!

— Вижу, — отозвался Вагин. — Мы можем увеличить изображение в индивидуальном порядке?

— Попробуем.

Изображение на отдельном мониторе стало меняться. Однако чёткости и контрастности операции на компьютере не добавили. Было видно, что объект, на который обратили внимание наблюдатели, действительно имеет некие осмысленные формы, но разглядеть его в деталях не удавалось, телекамеры марсохода смотрели в другую сторону.

— Давайте позвоним коллегам, — предложил помощник. — Ослепли они, что ли?

Вагин кивнул, так как и сам подумывал о том же.

Но американцы его опередили.

Телекамеры «Спиди» повернулись в нужном направлении, и заинтересовавший специалистов объект на льду стал виден лучше.

Все ахнули.

Ледяной торос на поверхности застывшего озера, располагавшийся всего в километре от марсохода, напоминал... земной парусник с полуопущенными прозрачно-беловатыми парусами! Казалось, он врос в лёд по ватерлинию миллионы лет назад, да так и остался как напоминание о давно исчезнувшей цивилизации.

Это было настолько невероятно и неожиданно, что по залу ЦУПа пронёсся единый вздох.

И только внимательный Вагин заметил, что размеры «корабля» намного меньше тех, какие имели реальные земные фрегаты и шхуны. Да и мачты у него были странные, неровные, как ветки дерева.

Весть об открытии между тем мгновенно распространилась по всему миру, и к экранам телевизоров прилипли даже те — передача велась на все материки Земли, — кто редко или совсем не смотрел новостные телепередачи. Возможно, американцы и засекретили бы своё открытие, будь они единоличными хозяевами марсохода, но в нынешние времена скрывать космические находки было трудно, да и опасно. Поэтому о находке марсианского корабля уже спустя несколько минут было доложено президенту США и председателю правительства России.

Первый попробовал было заикнуться о «государственной тайне», второй позвонил ему через минуту и поздравил с находкой. После чего марсоход резво побежал к лиловато-зеленовато-белому «зрачку» озера в центре Глаза Красавицы.

И лишь ещё через несколько минут стало ясно, что размеры корабля не соответствуют тем ожиданиям, которые охватили людей.

Полтора метра — длина, полметра — ширина, метр — высота, вот и вся величина.

Даже если предположить, что на Марсе действительно миллионы лет назад существовала разумная жизнь, древние марсиане едва ли были совсем маленькими напоподобие свифтовских лилипутов или ракообразных соотечественников Барленанна из романа Холла Клемента «Операция «Тяготение». Корабль скорее был игрушкой либо уменьшенной моделью парусника, некогда бороздившего моря Красной планеты.

Но и это предположение умерло, когда «Спиди» остановился в метре от ледяного поля и в ста метрах от корабля. Уже через минуту спектральный анализ показал, что материалом «модели» является обыкновенный лёд. С примесями пыли. И по залам ЦУПов прошлестел вздох разочарования. «Марсианский корабль» представлял собой всего лишь шутку природы, создающей иногда мёртвые формы «живее живых».

Американцы тоже это поняли.

После короткой остановки марсоход снова двинулся вперёд, намереваясь спуститься на лёд замёрзшего озера.

Среди российских специалистов наметилось оживление.

— Константин Максимович, — обратился к Вагину начальник экспертной группы, — надо связаться с коллегами в НАСА, попросить их не спешить. Температура воздуха в кратере всего минус девять градусов, температурная аномалия. Лёд рыхлый.

— Нехорошо, если застрянем, — согласился конструктор «Ежа». — Но вряд ли насовцы нас послушают. Я знаю Фоссома, он упрям как осёл. Как вы думаете, Василий Васильевич, что это такое?

— Эвфузия, — сказал учёный. — Фигура выветривания и вытаивания, получившаяся такой... гм, гм, экзотической. Просто ледяной торос сложной геометрии.

— Я тоже так думаю. А жаль!

— Жаль, — согласился начальник экспертов. — Я всегда мечтал встретить на Марсе...

— Аэлиту? — улыбнулся Вагин.

— Не Аэлиту, но следы цивилизации. Потому и окончил физтех, потом поступил в Роскомос. Меня настораживает другое.

— Что именно?

— Такие сложные фрактальные формы не возникают случайно. Может быть, это редукция того, что существовало на Марсе в прошлые времена?

— Жизни на Марсе нет, Василий Васильевич, да и не было. Будем реалистами.

— Помечтаем хотя бы.

Марсоход взобрался на ледяной бугор.

«Марсианский корабль» приблизился. Затаившие дыхание зрители жадно рассматривали творение природы, поразительно похожее на земной парусник. Отличия, конечно, были, но не бросались в глаза. Торос из марсианского льда в самом деле казался изделием рук земных скульпторов, а не природным образованием.

Десять метров, ещё десять...

По ледяному полю побежала трещина.

Все ахнули.

Марсоход продолжал двигаться дальше (время, за которое радиоволны пересекали пространство между Марсом и Землёй, превышало шесть минут), трещина под его колёсами стала шире.

— Да что они там, ослепли, что ли?! — сжал кулаки начальник экспертной группы.

— «Ёж»! — вскочил помощник Вагина.

— Не поможет, — пробормотал Константин Максимович. — «Ёж» не включает двигатели на взлёт... которых нет. «Спиди» — не вертолёт и не ракета.

Трещина достигла «марсианского корабля», и он начал осыпаться, разламываться, разрушаться, пока полностью не провалился в продолжавшую змеиться до противоположного берега расселину.

— Ох! — горестно воскликнул помощник Вагина.

Марсоход закачался, повернул влево, занося передние ажурные колёса на штангах, но переползти на твёрдый край расселины не успел. Ширина трещины достигла метра, и «Спиди» провалился вниз, сворачиваясь, как земной ёж, по программе защиты.

Изображение на экранах мониторов померкло.

Снова по залу российского ЦУПа пронёсся вздох, отражавший чувства присутствующих, не сводящих глаз с экранов.

— Конец ле... — помощник прикусил язык и добавил, шепелявя: — Легенде, блин!

С минуту по экранам мела «пурга», что означало отсутствие сигнала с Марса.

Вагин закрыл глаза, глубоко раздосадованный и разочарованный: не тем, что марсоход потерпел катастрофу, а тем, что его «Ёж» не убежёт аппарат от гибели. И ещё было жаль мечты, на миг расправившей крылья при виде «марсианского корабля».

В зале раздался крик многих людей.

Вагин открыл глаза.

Экраны перестали «сыпать пургу», потемнели и затлели зеленовато-голубым свечением.

Марсоход включил прожектор, луч которого пронзил толщу льда.

И в этой толще, на глубине десяти метров, показалась какая-то застывшая, рябая от пузырьков воздуха и комочков грязи масса.

Прожектор чуть развернулся.

Люди увидели рёбра, чешуи, ажурные конструкции, шпалеобразный нос, мачты.

— Мама моя! — прошептал помощник Вагина.

Это был корабль!

Настоящий!

Не творение природы — творение марсиан, сбережённое льдом для тех, кто жаждал обнаружить на Марсе жизнь.

Днепропетровск, 1978 г.

ЭВОЛЮЦИЯ

ВЕСЬМА СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Бырр¹ созерцал переменную облачность и размышлял.

Размышлял он, к примеру, о том, что неплохо бы переехать в пещеру со всеми коммунальными удобствами, что ковры из меха ламы изрядно поизносились, что икра чёрная, равно как и белая, уже в рот не лезет без мамонтовки, что если ледниковый период продлится ещё пару тысячелетий, то мамонты вымрут и придётся избрать предметом охоты дичь помельче, может быть, даже крокодилов... и тут взгляд Бырра упал на дерево, в котором любой уважающий себя неандерталец узнал бы морозоустойчивый сорт яблони, и мысли Бырра привычно сменили маршрут, что довольно характерно для первобытного человека того времени.

«Яблоко хорошо после мамонтовки, — подумал Бырр. — Трезвеешь моментально, как от удара дубиной. Впрочем, если запечь его внутри мамонтового хобота, тоже ничего жарено...»

Недолго думая, древний джентльмен поднял с земли камень. После трёх-четырёх неудачных попыток он добыл-таки яблоко — будучи тоже первобытным, оно было зелёным и смертельно кислым — и тут же съел. Без мамонтовки. Эту изобретённую неизвестным неандертальцем жидкость он допил ещё вчера.

СРЕДНИЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Старый Митрофан внимательно оглядел из-под козырька руки горизонт, ограниченный сараем, стойлом, домом, лошадьё, двумя свиньями и яблоней, и намётанным взглядом зажиточного славянского фермера точно определил, что с юго-востока идёт антициклон.

¹ Перевод имени здесь не приводится ввиду полного его неприличия.

«Опять придётся раньше времени яблоки убирать, — подумал Митрофан. — Ранние яблоки ценятся меньше, чем поздние, особенно промеж коллег, ну да пёс с ними, а то вовсе без урожая останешься!..»

Чертыхнувшись в душе, старый Митрофан рысью побежал к яблоне, по пути припомнив, что его распрекрасная хозяйюшка Аксинья умеет отменно запекать поросят с яблочной начинкой.

Тётушка Аксинья доила корову, когда со двора послышался шум падения и вслед за тем визг обиженной свиньи. «Жакели твою в купорос!» — подумала Аксинья привычно, выглянула из сарая и увидела мужа, стоящего на четвереньках под яблоней и почёсывающего заднюю часть тела. Опытным глазом определив причину шума, старуха сплюнула в сердцах:

— Лестницу возьми, старый пень! Вздумал лазать по деревьям, как белка! И корзину не забудь — не то яблоки побьёшь, жакели твою в купорос!

Митрофан, поохав, покорно взял лестницу, приставил к яблоне, прицепил на тощую шею корзину и полез вверх. Лестница, конечно, многое решала в данный исторический момент.

СРЕДНИЕ ГОДЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Сидоров прищурился на солнце — рабочий день, к великому сожалению, ещё не кончился — и, громко икнув, полез в кабину фруктоуборочного комбайна.

«Хороши нонче яблочки! — подумал он почти трезво. — Золотой ранет... рашель... антоновка, туды её в качель!.. И-ик!»

Затарахтел мотор, вибратор упёрся в ствол яблони, и крупные жёлтые с багрянцем яблоки посыпались в приёмные сетки комбайна.

Сидоров нагнулся, взял из-под картуза яблоко, понюхал, прослезился и с хрустом откусил...

СЕРЕДИНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО СТОЛЕТИЯ

Мутант хомо-многомыслящий-разумный-твердотопливный лениво просматривал исторические хроники древних веков цивилизации Земли, как вдруг его поразил вид одного растения, плоды которого отозвались в наследственной памяти странно манящим вкусовым ощущением. Мутант хомо-многомыслящий-разумный-твердотопливный (в дальнейшем будем называть его для краткости ХМЫРЬ) тут же почувствовал желание — что характерно для землян того будущего времени — съесть такой же плод. Он протянул руку с одним-единственным пальцем, пред-

назначенным для нажимания кнопок, тронул сенсор кибер-исполнителя желаний. Тотчас же в стенке его универсальной персональной жилой ячейки открылось отверстие, и в рот скатилось сочное, только что синтезированное яблоко.

Все двадцать два глаза ХМЫРЯ зажмурились от удовольствия, и он подумал, что древние земляне, именовавшие когда-то себя людьми, пусть и имели всего два глаза и лишние конечности, всё же умели чувствовать прекрасное желудком...

ЕЩЁ ПАРУ СРЕДНИХ ТЫСЯЧ ЛЕТ СПУСТЯ

Где-то в сто пятьдесят первом блоке десятой зоны седьмого сектора пятого уровня третьей спирали Всегалактический единый Мозг-анализатор (ВЕДЬМА) внезапно ощутил незапланированную эмоцию, что в общем-то было характерно и для других Галактических Мозгов этого типа окружающего метагалактического пространства.

В течение коротких трёх тысяч лет, проанализировав эмоцию, ВЕДЬМА понял, что это одна из бесчисленного количества его звёздных клеток, называемая когда-то Солнцем, вспомнила что-то приятно-грустное из своей истории. Перестроив логические и чувственные цепи, ВЕДЬМА подключил начальный сигнал этой звезды-клетки к общему каналу и всем своим многотысячепарсековым телом ощутил мысль — разрушительницу покоя: эх, яблочка бы сейчас... да бокал мамонтовки... да чтоб ни о чём не думать...

1975 год

СИДОРОВ И ВРЕМЯ

сценарий ненаучно-фантастического фильма

СЦЕНА 1

Отдалённое будущее.

На экране проявляется кабинет Сидорова, аскетически голый, как пустая могила. В кабинете сидит на полу Сидоров и тоскливо смотрит в трёхмерное пространство. На лице его — великая игра мысли, отчего искушённому зрителю становится ясно, что и в будущем Понедельник — день тяжёлый.

Вдруг в кабинете со взрывом петарды (или любим другим вплоть до атомного — лишь бы укладывался в смету) появляется абсолютно

лысый — по последней моде — человек в синей поддѣвке и атласных шароварах. Это шеф Сидорова по фамилии Иванов-Водкин.

— Хеллоудуюду, — гундосит он, застряв взглядом в потолок. — Задание на сегодняшний день у вас несложное, Петров: необходимо раз и навсегда покончить с вопросом — есть ли жизнь на Марсе.

— Сидоров я, — говорит Сидоров.

— Хрен редьки не слаще, — отвечает Иванов-Водкин и с этими словами исчезает, поддерживая тлеющие от телепортации шаровары. Камера крупным планом показывает потолок, в который упирался взгляд начальника: в этом месте наличествует оплавленная дырка.

Сидоров хладнокровно поминает мать, отца, бабушку и всех остальных родственников шефа тёплым словом и усилием мысли материализуется на Марсе. Как и шеф, он свободно владеет якобы телекинезом, но поскольку он моложе — телекинез у него совершеннее, без дыма и запахов серы.

Пока он материализуется, по экрану течёт время в форме жёлтых звёздочек. Появляется этикетка: «Коньяк армянский, московского разлива, без консервантов». Слышится задумчивая мелодия — это специально выписанный из-за границы певец и актёр Адриано Челентано исполняет под оркестр Поля Мориа «Дубинушку».

СЦЕНА 2

Жизнь на Марсе как будто бы есть. Таково у Сидорова первое впечатление. Материализовался он прямо в толпе и теперь в своём модном скафандре выделяется, как судья на футбольном поле.

Побежала вдруг толпа, и Сидоров с ней. Прибежали, стали в очередь. Прошёл слух, что дают конфеты «Бычье молоко», однако с какой-то нагрузкой.

Двое пришельцев с очень дальних звёзд пытаются прорваться без очереди, маскируясь под инвалидов с Земли, в происходящее вмешиваются две старушки-марсианки, и пришельцы, теряя калоши и шупальца, отправляются к себе домой с последней космической скоростью. У Сидорова закрадываются в душу первые сомнения касательно жизни на Марсе.

В это время к очереди подходит марсианин с большой дороги. Увидев Сидорова, обилием блях и пуговиц напоминающего местных полицейских, он пугается и неожиданно для себя самого вежливо спрашивает, кто последний. Ему доходчиво объясняют, как этого последнего найти.

Когда Сидоров наконец подступает к прилавку, конфеты уже кончаются, зато остаётся «нагрузка»: это двухсотлетней давности подписка на журнал «Итоги».

СЦЕНА 3

Сидоров на пляже.

Далеко за морем что-то сильно дымит. Выясняется, что это первая марсианская атомная электростанция, работающая на привозной солянке. Её построили на Марсе первые переселенцы с Земли, о чём писал ещё известный магачитл Алексей Толстой в своём отчёте «Аэлита».

Искушавшись, Сидоров выходит из воды зелёный, как крокодил Гена. В руках у него нечто вроде рыбьего скелета о двух головах — спереди и сзади.

— А ну, гад, брось обратно! — говорит вдруг «скелет» человеческим голосом на двух языках сразу — русском и матерном. — Чего пристал, лодырь? Селёдки не видал? Отпусти в воду, не то сдохну, а тебя посодют за контрабанду!

— Ну, шельмы! — удивляется Сидоров. — Тут и селёдка разговаривает! Может, я тебя на Землю отвезу, в чистую воду пуцу? Если найду, конечно.

— Я те отвезу, шутник! Чистая вода — яд для мене! У мене организма такая — в чистой воде жить не может!

— А желания ты, случайно, не выполняешь?

— Что я тебе — золотая рыбка, что ли? Отпусти, говорю!

Сидоров, потев от нахлынувших чувств, выпускает удивительную марсианскую селёдку в воду, языком пробует зелёный налёт на коже и безошибочно определяет: стрихнин!

СЦЕНА 4

Вдруг обнаруживается, что у Сидорова неизвестные марсиане стянули скафандр.

Вот железо-кислород! — думает Сидоров, отправляясь почти в чём мать родила — в рубашке — в местное ателье. Нету тут жизни. Какая же это жизнь, ежели эти дураки не понимают, что скафандр продать нельзя, он одноразовый. Так и доложу!

В ателье он начинает примеривать новый скафандр, сшитый по марсианской моде задом наперёд. Мастер, похожий по большому счёту на разумного таракана с лицом «кавказской национальности», бегаёт вокруг него с медным тазом вместо зеркала. В зеркале этом отражается все, кроме Сидорова и скафандра.

— А тут у вас что? — невнятно спрашивает Сидоров, застрыв головой в рукаве.

— А тут, хе-хе, дырка узковата, — находчиво отвечает мастер.

Снять приросший к коже скафандр оказывается невозможным. Так Сидоров и выходит перекошенный на улицу, мечтая убить режиссёра фильма. Рядом вдруг появляется из ничего выходец из ещё более